

Глава 7

Ну и дела. Гу Цин догадывался, что Е Байцин обязательно наябедничает, но никак не ожидал, что тот пойдет в лобовую атаку, да еще и с такими обвинениями. «Не оправдал надежд» — ну и формулировочка... Поймав на себе яростный взгляд младшего господина Е, Гу Цин подавил смехок и покосился на стоявшего рядом мужчину, решив придержать язык.

Ему было чертовски любопытно, как тот выкрутится.

Мэй Цзибай давно привык к взбалмошности брата, но сегодняшняя эскапада все равно застала его врасплох. Похоже, у Е Байцина возникло какое-то фундаментальное недопонимание, которое, при всей снисходительности, следовало немедленно прояснить.

Он отступил на шаг и произнес похолодевшим голосом:

— Выходи из машины.

Е Байцин, нехотя и ворча, выбрался наружу. Он демонстративно не смотрел на брата и хранил угрюмое молчание.

Мэй Цзибай коротким жестом указал на капот.

— Вытри. Начисто.

Гу Цин, скрестив руки на груди, застыл в сторонке. Вмешиваться он не собирался — зрелище того, как строптивый Байцин покорно берет тряпку и принимается тереть машину, вызывало весьма неоднозначные чувства.

Воспитывались в одной семье, а характеры — небо и земля. Один — вышколенный наследник корпорации, другой — балованный младший сын, привыкший к потаканиям.

Когда Е Байцин закончил и вернулся на место, Мэй Цзибай продолжил:

— Брак семей Мэй и Гу — это деловой союз. Ты это прекрасно знаешь. Между нами нет чувств, и он вовсе не обязан меня любить. Это его личное право.

Е Байцин вскинул голову, не желая сдаваться:

— Да он же без ума от тебя! Сам говорил, что он твой фанат, постоянно дифирамбы поет! Если это не любовь, то что тогда?!

— Это не значит, что его симпатия носит романтический характер.

— Но... если у вас совсем нет чувств... зачем он тебя поцеловал?! И почему ты позволил?!

— Всего лишь игра на публику.

— Все равно нельзя! С какой стати ему позволено такое?!

Мэй Цзибай ладонью пригладил вихры на голове брата, усмиряя его всклокоченную шевелюру. Он смягчился, но тон остался непреклонным:

— Нас связывают узы брака, признаешь ты это или нет. Он твой старший, Байцин. Не ищи с ним ссор. Ты ведь не хочешь, чтобы я из-за этого расстраивался, верно?

Е Байцин так и не смог до конца смириться. Он был свято уверен, что Гу Цин страдает от безответной любви к его брату.

Помолчав, он буркнул:

— Ладно, я могу его игнорировать. Но зачем ты вообще согласился? Я думал, это он выклянчил... убедил отца, а тот надавил на тебя... Но если он тебя не любит, то зачем всё это? Нашей семье не нужны выгоды от такого союза.

Мэй Цзибай взглядом отпустил Сюэ Минтао, а затем приобнял брата за пока еще узкие плечи.

— Это мое дело, Байцин. У меня свои соображения.

— И ты мне не скажешь?!

— Пока нет.

Е Байцин одарил Гу Цина испепеляющим взглядом и надулся:

— Плевать, что ты там задумал. Всё равно вы рано или поздно разведетесь!

Гу Цин тут же подхватил, демонстрируя редкое единодушие:

— Здесь я с тобой полностью согласен. Восхищение — это одно, но для него нужна дистанция. Расстояние порождает красоту, понимаешь? Подожди пару лет, и мы преспокойно разбежимся, даже подгонять не придется. Я вовсе не горю желанием всю жизнь провести с

таким педантом, как твой брат. Это еще вопрос, кто из нас кого не вытерпит.

Воспользовавшись моментом, он решил расставить все точки над «i».

Мэй Цзибай скользнул по нему нечитаемым взглядом и обратился к разгневанному Байцину:

— Пообещай мне, что до самого развода это останется между нами. Справишься?

Е Байцин обнял брата, немного успокаиваясь, и кивнул:

— Справлюсь. Не любит — и скатертью дорога, не больно-то он и хорош. Разведетесь — найдем тебе кого-нибудь получше!

«Получше?» Мэй Цзибай знал: «лучшего» для него больше не существует. Где же взять кого-то другого?

Он не стал спорить, лишь слегка похлопал брата по спине.

— Садись в машину. Едем домой.

Изначально Гу Цин хотел сам сесть за руль, но Мэй Цзибай велел ему занять заднее сиденье вместе с Е Байцином. В итоге они оказались по разные стороны заднего сиденья, демонстративно игнорируя друг друга. На душе у Гу Цина было скверно.

Судя по словам Мэй Цзибая... он тоже не планировал затягивать этот брак. Тогда зачем вообще ввязался?

Не только Байцину, но и самому Гу Цину это не давало покоя. Не может всё объясняться лишь старой дружбой их отцов. При могуществе семьи Мэй им действительно не было нужды в подобных союзах ради прибыли. Ответ явно скрывался глубже, но Мэй Цзибай не собирался откровенничать.

«Может, попробовать выудить что-нибудь из Гу Чжунжюя?» — подумал он. Тот, кто приложил столько сил для этого брака, обязан знать истинную причину.

После этого разговора Е Байцин перестал открыто на него шипеть, хотя они почти не общались. Гу Цин не знал, как Мэй Цзибай договорился с родителями, но те всё же позволили им съехать. Правда, с собой из Старого поместья семьи Мэй они забрали нескольких слуг, против чего Гу Цин не возражал.

Сам он готовить умел, но при его графике на это просто не оставалось времени. Да и кормить Мэй Цзибая не было ни малейшего желания — этот изнеженный господин наверняка замучил бы своими придирками.

Первым делом после переезда Гу Цин потребовал отдельные спальни. Всё это время он заставлял себя ложиться и вставать по расписанию, соблюдая кучу idiotских правил, и теперь был на грани взрыва. Собственная комната казалась райским уголком свободы. Наконец-то можно было спать сколько влезет!

В субботу, закончив с вещами, он перед сном заглянул в кабинет Мэй Цзибая. Увидев у входа изысканную китайскую ширму, Гу Цин невольно цыкнул. Этот человек оставался верен себе: педантичен от макушки до пят. Ширма явно стояла целое состояние, да и весь интерьер был подобран с безупречным вкусом. Теперь стало ясно, почему переезд так затянулся — здесь делали ремонт «под ключ» специально для этого перфекциониста.

Обойдя ширму, он увидел Мэй Цзибая в глубоком кресле. Как бы Гу Цин ни злился, приходилось признать: этот мужчина был чертовски хорош собой. Особенно его руки, сейчас держащие книгу.

Мэй Цзибай с детства играл на фортепиано. Гу Цин видел его за инструментом — это зрелище завораживало, но одновременно заставляло остро чувствовать, насколько они из разных миров.

Он подошел ближе и громко откашлялся, привлекая внимание:

— Раз уж мы спим в разных комнатах, в мою без нужды не заходи. Там я хозяин и буду делать что хочу. И еще! Завтра воскресенье, у меня выходной. Утром не буди, я собираюсь проснуться сам, когда захочу!

Мэй Цзибай перевернул страницу и поднял взгляд.

— Вот, значит, как? Явил свою истинную натуру?

Гу Цин ухмыльнулся. В нем бурлило ликование вырвавшейся из клетки птицы.

— Я достаточно натерпелся за это время. Можешь соблюдать свой режим хоть до посинения, дома мы друг другу не мешаем. Обедать вместе тоже не обязательно — я предпочитаю еду поострее, а твоя пресная диета мне уже в печенках сидит.

— Чтобы на людях наше общение выглядело естественным, нам необходимо знать привычки друг друга. Твои предпочтения я учту. Тётушка Лю готовит превосходно, я поговорю с ней.

— Ну, это правда, готовит она отлично, — согласился Гу Цин. — Ладно, у меня дела. И запомни: завтра утром не смей меня будить. Я. Буду. Спать!

Ради этого долгожданного сна он терпел так долго. Он не встанет, пока солнце не будет в зените! А проснется — так еще и повалится влать!

Проводив Гу Цина взглядом, Мэй Цзибай опустил глаза к книге. Он достал чёрное эбеновое украшение-закладку и вложил её между страниц. Резьба была не слишком искусной, с заметными огрехами, но он коснулся дерева с такой нежностью, словно ласкал любимого человека.

Посидев так немного, он беззвучно вздохнул. «Завтра утром...»

Гу Цин вернулся к себе в прекрасном расположении духа. Приняв ванну, он завалился в постель с ноутбуком. Расследование дела Ван Чжэня, который погиб вместе с ним, уже начало приносить плоды, и нужно было проверить отчеты.

Закончив дела и отправив очередную порцию яда со своего аккаунта анти-фаната, он выключил свет. Было уже два часа ночи. В огромной кровати он мог раскинуться как угодно — никто не сделает замечания. Это было чертовски комфортно.

Однако... однако!

На следующее утро, в половине восьмого, его разбудили. РАЗ-БУ-ДИ-ЛИ!

Гу Цин сел в кровати, уставившись тяжелым взглядом на стоявшую рядом женщину. Это была тётушка Лю — Лю Синь, полноватая, добродушная и очень домашняя.

В этом доме, помимо него и Мэй Цзибая, жили только она с мужем Кан Лиминем, который занимался садом и иногда подменял водителя, да молоденькая помощница Мао Ии, мастерица по десертам.

Гу Цин сжал кулаки, судорожно вдыхая воздух, чтобы не сорваться на крик. Проклятье, он же хотел выспаться!

Стиснув зубы, он выдавил из себя подобие вежливой улыбки:

— Тётушка Лю, завтракать я не буду, и оставлять мне ничего не нужно. Я еще посплю. Спасибо. Будете выходить — закройте, пожалуйста, дверь.

С этими словами он рухнул обратно и натянул одеяло на голову, всем видом демонстрируя отказ вставать.

В Старом поместье семьи Мэй он жил как на иголках, боясь совершить ошибку. Весь этот стресс накопился внутри, и теперь, когда он наконец расслабился, а поспать удалось всего ничего, голова гудела так, словно в неё насыпали раскаленных углей.

Лю Синь явно не ожидала такой реакции. В Старом поместье семьи Мэй молодой господин Гу всегда был пайнкой и спустился к завтраку вместе с Мэй Цзибаем.

Услышав тихие шаги уходящей женщины, Гу Цин почувствовал, как внутри всё клокочет. После такого пробуждения сон улетучился, а состояние «хочу спать, но не могу» подливало масла в огонь его ярости.

Почувствовав, что кто-то сел на край кровати, он резко откинул одеяло. Увидев Мэй Цзибая, он взорвался:

— Я же просил меня не будить! Ты нарочно это устроил?!

Мэй Цзибай спокойно смотрел на него. Гу Цин выглядел как взъерошенный левенок: волосы дыбом, лицо темнее тучи, а в глазах полыхает огонь, готовый испепелить всё вокруг.

— Во-первых, — мягко начал он, — я вчера не обещал, что не разбужу тебя. Во-вторых, я не передавал твои слова тётушке Лю. Она тут ни при чем.

Гу Цин рывком сел и, вцепившись в ворот рубашки Мэй Цзибая, притянул его к себе.

— Значит, ты решил надо мной поиздеваться? Мы договорились: съезжаем, спим в разных комнатах, какого черта ты опять лезешь?! Кому помешал мой сон? Хочется кем-то командовать — иди к своим сотрудникам! У нас просто контракт! Ты хоть понимаешь, что это значит?!

Мэй Цзибай оставался невозмутим, даже не дрогнув.

— Ты сам сказал: дома следуем протоколу, а на людях делай что хочешь. Гу Цин, переезд из Старого поместья семьи Мэй не означает расторжения договора.

— То есть это была проверка на прочность? Решил показать, кто здесь главный?

— Нет. Я просто не хочу, чтобы ты пропускал завтрак.

Гу Цин издал издевательский смешок. Голос его охрип от ярости.

— Сегодня воскресенье! Мне не надо на работу! Я что, совершил преступление, решив выспаться? Завтрак? Ты мне не отец, и если я пропущу один прием пищи, мир не рухнет. К

чему этот цирк?! Мэй Цзибай, ты переходишь границы!

Мэй Цзибай на миг задумался. После недолгой паузы он поднял руку и коснулся щеки Гу Цина.

— Тебе редко удается нормально выспаться. Признаю, будить тебя так рано было... излишне с моей стороны.

Гу Цин дернул головой, уклоняясь от прикосновения. Он не понимал, что за игру затеял этот человек.

— Излишне? Это было подло! Ты знал, чего я хочу, и всё равно поступил по-своему. Не думай, что если ты глава семьи Мэй, я буду терпеть всё подряд. Доведешь меня — и я завтра же подам на развод!

— Развод? А как же семья Гу? Тебе на них плевать?

— Я... — Упоминание семьи Гу заставило остатки разума вернуться в затуманенную голову. Да, семья. И, что важнее, месть. Пока правда не всплывет наружу, пока главный кукловод не будет наказан, разводиться нельзя.

Гу Цин замолчал. Мэй Цзибай смягчился, в голосе появились умиротворяющие нотки. Он снова положил ладонь на щеку юноши, осторожно поглаживая её большим пальцем.

— Злишься?

Гу Цин действительно был вне себя, но то ли от осознания своей зависимости, то ли от этого странного тона Мэй Цзибая, запал внезапно исчез.

Он отвел глаза, его руки бессильно опали на одеяло.

— А ты бы не злился, если бы тебя выдернули из сна? Тем более я предупреждал. Скажи спасибо, что пришла тётушка Лю. Если бы пришел ты сам, я бы точно тебе врезал.

Тон Гу Цина всё еще был резким, раздражение никуда не делось.

— У тебя, оказывается, тяжелый нрав по утрам? Раньше я этого не замечал.

— Потому что я ложился рано! А сегодня я хотел спать до упора, но тебе же приспичило!

Мэй Цзибай прищурился. Он привлек Гу Цина к себе, обнимая и ласково поглаживая по

голове.

— Прости. Я не подумал. Впредь по выходным тебя никто не побеспокоит. Спи сколько влезет, пока сам не проснешься. Договорились?

Гу Цин замер, упершись руками в грудь мужчины. Он хотел оттолкнуть его, но услышанные извинения заставили его оцепенеть.

«Он извиняется?»

Удивительно. Непогрешимый господин Мэй пошел на попятную из-за такой «вредной привычки»? Хотя сам Гу Цин вредной её не считал, для такого педанта это должно было быть именно так.

— Конечно, режим важен, — продолжал Мэй Цзибай вкрадчиво, — но тебе стоит заранее рассказывать мне о своих привычках. Если бы я знал, что недосып делает тебя таким... вспыльчивым, я бы никогда не позволил тебя будить. Попросил бы тётушку Лю оставить тебе завтрак.

— То есть я еще и виноват остался?

Мэй Цзибай тихо рассмеялся, и Гу Цин, как ни странно, не нашелся что возразить на его мягкий, но вполне недвусмысленный упрек.

<http://bllate.org/book/17544/1709026>